

Троцкому нужен козел отпущения

Троцкий, конечно, сыграл во взаимоотношениях с Махно роковую роль: будучи сторонником жесткой линии неукоснительной партийной диктатуры, он не мог сочувствовать ни особому положению махновцев в рядах Красной армии, ни тем социальным экспериментам, которые независимо от большевиков проводились на территории «вольного района». Остается гадать, насколько его желание разделаться с махновщиной было предрешено ко времени его приезда на Украину и насколько обострилось оно фронтовыми неудачами, которые нужно было незамедлительно свалить еще на кого-то. Своенравный комбриг, пробивающийся в светлое будущее под черным знаменем анархии и всю свою нелепую фигурку свидетельствующий об упрямстве и неблагодарности темного, тупого, кулацкого народа, был идеальным кандидатом на роль козла отпущения. Менее всего подвластную большевикам «мелкобуржуазную стихию» Троцкий не любил так же, как и Ленин: в силу догматичного, строго дисциплинированного, но какого-то бедного чувствами характера и ума, – и явно видел в ней начало прежде всего враждебное. За это винить его глупо.

Действительная вина Троцкого, действительное преступление большевистской власти заключались в том, что они, исходя из своих политических представлений, посчитали целесообразным держать части Махно в таком положении, в котором те обречены были целиком полечь, сгинуть на полях войны и тем самым оздоровить обороняемый ими участок фронта, искупив тем самым свою первородную вину перед партией большевиков. Самонадеянность большевистского руководства, посчитавшего возможным подставить Махно под разгром, в расчете, что какие-то крепкие, надежные (но еще не существующие) части опрокинут белогвардейцев и погонят их обратно за Дон, обернулась для России и Украины неисчислимыми бедствиями, которые несла с собой затянувшаяся, как запущенная болезнь, Гражданская война.

Троцкий прибыл в Харьков 16 мая с целью решительно разобраться с ситуацией на Украине, патология которой была засвидетельствована чудовищным и диким григорьевским мятежом, поставившим под вопрос не только крепость фронта, но и вообще принцип советской власти на Украине. Ленин в Москве требовал решительного наступления на Донбасс, а Троцкому в Харькове открылось, что наступать здесь никто не думает, не может, все сковано беснующимся пьяным восстанием и параличом недовольства режимом. Троцкий привык действовать решительно. Он предписывает восстание прежде всего подавить, но готов и к более широким политическим обобщениям, которые и были им сделаны в ряде докладов в Харькове и Киеве. Суть заключалась в том, что для победы над белыми нужно прежде всего ликвидировать партизанщину как принцип.

Практически это означало отказ от политики Антонова-Овсеенко, направленной на поиск общего языка с украинскими повстанцами, какую бы революционную веру они ни исповедовали, и начало враждебных действий против всех, кто не захочет войти в реорганизованную по принципам большевистского военного ведомства армию.

О возможных неприятностях Махно догадывался. Ему было известно, например, что во время григорьевского восстания его подозревали в подготовке похода на Екатеринослав и что было даже созвано специальное совещание в Александровске – что делать в этом случае, – которое успокоилось только тогда, когда Дыбенко пообещал, что в случае чего со своей дивизией он преградит путь Махно, что, впрочем, было чистым бахвальством, ибо Дыбенко-то видел, что Махно крепко ввязан в бои на фронте и никуда «пойти» не в состоянии.

На всякий случай, чтоб Махно не дергался, Дыбенко 14 мая в интервью газете «Коммунист» похвалил его: «Никто не может утверждать о причастности Махно к григорьевщине. Наоборот, честный революционер, каким он является, несмотря на свой анархизм, Махно верен рабочему движению и свято выполняет свой долг в войне против белогвардейских банд. Всякие обвинения Махно – гнусная провокация...» (12, 94). Говоря эти слова, Дыбенко мог и покривить душой, но он, во всяком случае, рассуждал здраво: Махно держит свой участок фронта и понапрасну третировать его незачем.

Приезд Троцкого сразу сместил все акценты. Грозный наркомвоенмор прежде всего устроил выволочку Раковскому за попустительство и мягкотелость. Жестокий дух внутрипартийного чиновничества, выдаваемый за «дисциплинированность», большевиков подводил всегда: стремясь исправиться перед начальством, украинские товарищи с поистине неправдоподобной быстротой пересмотрели свои взгляды и, прежде чем Троцкий лично обрушился на Махно, поспешили сделать упреждающее телодвижение и вынесли решение о ликвидации махновщины. Все это кажется нелепостью и каким-то недоразумением. Тем не менее атмосфера на Украине была столь удушлива, столь отравлена страхами – перед Григорьевым, перед новым, еще более чудовищным восстанием, во главе которого представлялся Махно, перед белыми, – что в действиях правительства Украины определенно стал проступать какой-то маразм; это действия группы тяжелых психопатов, которые, как мы увидим, в течение десяти дней усердно боролись с несуществующим мятежом бригады Махно, сделали все, чтобы этот мятеж поднять – не подняли, развалили фронт и чуть-чуть вменились в разум только тогда, когда белое наступление стало угрожать им лично.

Махно, сколько мог, терпел давление нелепо складывающихся обстоятельств. Что его, как анархиста и убежденного партизана, не любят, он знал. Но что речь идет уже о его уничтожении – он долгое время не догадывался. Среди большевиков у него уже не было заступников, после наезда Троцкого даже Антонов-Овсеенко впал в немилость. Но Махно не унывал. Он пытался апеллировать к Кропоткину, послал ему несколько пудов продовольствия, номера газеты «Путь к свободе» и листовки, почтительно прося его «как близкого и дорогого для нас южан товарища, написать нам свое письмо о повстанчестве... Кроме того, – беспокоился он, – очень нужно было бы для крестьян, чтобы вы написали в нашу газету статью о социальном строительстве в деревне, которая пока не заполнилась

мусором насилия...» (52). Судя по этому письму, Махно особенно ничего не беспокоило, он просил совета у своего вождя – и только. Весьма сомнительно, что авторитет Кропоткина удержал бы большевиков от подлости, но Петр Алексеевич, насколько известно, на это письмо не откликнулся. Да ответ и не поспел бы – буквально через несколько дней Махно был проклят и объявлен вне закона.

Впрочем, поначалу ничего как будто не предвещало трагического исхода событий. В середине мая начались попытки наступления красных на Донбасс, и Махно, ввязанный в бои еще в начале григорьевского восстания, вновь навис над Таганрогом и, овладев станциями Кутейниково и Амвросиевка, перерезал железную дорогу, главную транспортную артерию донецкой группы Добровольческой армии. Этим он должен был вызвать на себя беспощадный огонь. Махновцы чувствовали это и с тревогой предупреждали: «...Части совершенно не имеют патронов и, продвинувшись вперед, находятся в угрожающем положении на случай серьезных контрнаступлений противника. Мы свой долг исполнили, но высшие органы задерживают питание армии патронами. Просим устранить это... и мы не только полностью выполним задание, но и сделаем больше того...» (1, т. 4, 302).

В принципе, был тот редкий момент на фронте, когда смелые, слаженные действия Махно и других частей Южфронта могли бы переломить боевую ситуацию. Но конечно же Махно подмоги не получил – все резервы были брошены на подавление григорьевского восстания.

17 мая в точности повторилась апрельская история: сильным ударом кавалерия Шкуро рассекла фронт на стыке 2-й и 13-й армий и в один день прошла около полусотни километров. Закрывать прорыв было нечем: в резерве 2-й армии был один интернациональный полк численностью 400 штыков. Махно стал отступать, чем участь его была предreshена: его обвинили во всех застарелых грехах, вплоть до измены, но подмоги не дали.

В результате 21 мая командарм-2 Скачко уже определял ситуацию как безнадежную: «...Волновахский прорыв собственными силами армии не только не может быть ликвидирован, но не представляется возможным приостановить развивающийся успех противника...» (1, т. 4, 304). Но власти еще не поняли, что это – крах, и предпочитали действовать устрашением.

Вечером 25 мая на квартире Х. Раковского состоялась сходка Совета рабоче-крестьянской обороны Украины с повесткой дня: «махновщина и ее ликвидация». Присутствовали: Х. Раковский, В. Антонов-Овсеенко, А. Бубнов, А. Жарко, А. Иоффе, Н. Подвойский, П. Дыбенко. Поистине невозможно вообразить себе, что заставило этих людей – в тот момент, когда над фронтом нависла смертельная угроза и белая конница хлестала в прорыв, как вода в пробоину, – принять резолюцию следующего содержания: «Ликвидировать Махно в крайний срок, предложить ЦК всех советских партий (коммунистов и украинских эсеров-коммунистов) срочно принять политические меры к ликвидации махновщины, предложить командованию УССР в течение суток разработать военный план ликвидации Махно, предложить ЦК прифронтовой полосы организовать из своих отрядов полк, который должен быть немедленно брошен...» (12, 100). Этот тяжкий, вязкий текст кажется бредом: какой «полк», если у Махно 35 тысяч человек под ружьем? Зачем его «ликвидировать», если он держит фронт, и простое чувство самосохранения должно было бы подсказывать, что его

надо поддержать? Что не выяснять отношения надо, не интриговать – а защищаться, любыми средствами, любыми силами?!

Но нет, даже чувство самосохранения отшибло. Почему? Тут надо разобраться. Выстроенная хронология подскажет нам, что 26 мая ВУЦИК утвердил положение о социалистическом землепользовании – сиречь об обобществлении земли под совхозы. Все, у кого была голова на плечах, не могли не понимать, что у крестьян этот декрет вызовет взрыв недовольства. Вот почему заседание совета обороны состоялось накануне, вот почему репрессивные меры требовалось разработать в течение суток: надо было срезать крестьянскую верхушку, выжечь ересь «вольных советов», разгромить партизанские отряды – созданные крестьянством вооруженные силы... Восстания боялись, ждали его, и все-таки вопрос с землей решили так, как хотел центр (Ленин потом, естественно, признал, что было допущено «много ошибок»). В этом отношении большевики были неумолимы.

27 мая заместитель наркомвоена Украины В. И. Межлаук докладывал своему начальнику Н. И. Подвойскому, что обстановка в районе Махно очень напряженная и «непринятие своевременных мер обещает повторение григорьевской авантюры, которая будет опасна ввиду огромной популярности Махно среди крестьянства и красноармейцев» (12, 102). Отметим, что ничего еще не случилось. Войска Махно сражаются. Красные комиссары в полках не арестованы. Все как всегда. Тем не менее в Совете рабоче-крестьянской обороны Украины не только ломали голову над тем, где взять войска для ликвидации еще не вспыхнувшего мятежа, но и – как пишет в своей книге историк В. Волковинский, – «в жарких спорах обсуждали кандидатуру командующего этими войсками» (12, 103). Причем предложенная Реввоенсоветом республики кандидатура П.Е.Дыбенко, который хорошо знал Махно и был с ним в контакте, стараниями Ворошилова и Межлаука была отвергнута: Ворошилов хотел разгромить «мятежников» сам и тоже, наконец, снискать себе победные лавры. Дело казалось несложным: с тылу ударить на измочаленную в боях бригаду и, арестовав командиров, разоружить и без того плохо вооруженные полки. Ворошилову так хотелось исполнить эту роль, что на Антонова-Овсеенко, который, по-видимому, был яростным противником затеваемого дела, он написал в Москву донос о том, что тот состоит в сговоре с Махно (12, 101). Ленин, окончательно запутанный поступающим с Украины враньем (он все еще полагал, что речь идет о наступлении на Донбасс за углем, в то время как до разгрома оставались считанные дни), 28 мая прислал Раковскому укоризненную телеграмму, в которой просто пересказывал выдуманное в Харькове же вранье: «...Махно откатывается на запад и обнажает фланг и тыл 13-й армии, открывая свободный путь деникинцам...» (12, 101). Думаю, что телеграмма вождя послужила дополнительным аргументом в скверной тыловой игре политиканов, которой, впрочем, предрешен был скорый конец.

Читая эти строки, читатель ведь должен одновременно слышать орудейный гул, треск пулеметов и лязг танковых гусениц – ибо, пока продолжались тыловые игры, на фронте шли непрекращающиеся бои. Махновцы дрались героически, но, действительно, гибли сотнями, не имея боевого опыта, сражаясь пешим строем против отборной донской и кубанской кавалерии. На Махно валили теперь всё – что он негоден как командир, потерял управление частями, окончательно опустился... Пока шла эта пропагандистская «накрутка», предназначенная в основном для газет, командующий 2-й армии Скачко, ничего толком не

зная о тыловых интригах, допустил оплошность, стоившую ему карьеры: 29 мая, когда Совет рабоче-крестьянской обороны принял решение о мобилизации партийных сил и рабочих для борьбы с махновщиной, он санкционировал превращение разросшейся бригады Махно в дивизию, а самого Махно утвердил в должности комдива, разумно полагая, что лишь человек, знающий оперативную обстановку, еще может спасти фронт от неминуемого краха. Немедленно последовал окрик Реввоенсовета Южфронта: «Развертывать непокорную, недисциплинированную бригаду в дивизию есть либо предательство, либо сумасшествие. Во всяком случае, подготовка новой григорьевщины» (1, т. 4, 305). Опять эта навязчивая мысль об измене!

Оправдываясь, Скачко отправил Южфронту телеграмму, читая которую, невольно поражаешься глубине цинизма, с которым относились к повстанческим частям даже самые доброжелательные люди из большевистского руководства: «Столкновение между махновщиной и коммунизмом рано или поздно неизбежно... Но Реввоенсовет 2-й армии убежден, что до тех пор... пока добровольческо-казачьи войска не будут оттеснены на Кубань, вожди махновщины не будут иметь возможности идти против советской власти с оружием в руках... Вся 2-я Украинская армия только и состоит сейчас из бригады Махно. Украинские части из других армий, все сплошь вышедшие из повстанческих отрядов, не пойдут против Махно. Для ликвидации Махно необходимо иметь не менее двух хорошо вооруженных полночисленных дивизий...» (1, т. 4, 306).

Скачко, быть может, был циничен, но зато честен: его совету можно было бы и внять. Но взвинченные Троцким большевистские военачальники, похоже, действительно потеряли чувство реальности. Южфронт требовал немедленно сместить Махно с поста комдива и заменить его, как раньше было задумано, товарищем Чикванайя. То, что смещение командира, с которым отряды партизан воевали с самой зимы и которому верили больше, чем всем большевикам, вместе взятым, неминуемо вызовет возмущение, никого, по-видимому, не смущало. Хотя не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что означала для крестьян-повстанцев фигура батьки.

Командующий Южфронтом Владимир Михайлович Гиттис, воспитанник юнкерского училища, в царской армии – полковник, этого понимать не желал. Его, как человека аккуратного, привыкшего к дисциплине и порядку старой армии, «психологические моменты» партизанской войны трогали не более, чем слезы нервной женщины. Он видел одно: на правом, нелюбимом фланге его фронта стоит доставшаяся ему в наследство от Антонова-Овсеенко, зараженная анархистским духом бригада, подозрительная ему. И он действовал так, как, наверное, действовал бы любой военачальник в условиях обычной войны: смещал подозрительного ему командира и ставил своего.

Война, однако ж, шла Гражданская. Поэтому, в ответ на повторные требования штаба Южного фронта сместить Махно, из штаба махновской дивизии 29 мая пришла вдруг совершенно неожиданная по дерзости телеграмма, адресованная, помимо В. М. Гиттиса, Раковскому, Ленину, Каменеву и Антонову-Овсеенко:

«...Все одиннадцать полков повстанцев, входящие в 1-ю повстанческую Украинскую дивизию, считают т. Махно своим наиболее близким и естественным вождем... Абсолютно

достоверно, что с уходом т. Махно со своего поста целые бригады не примут ничего другого командования. Несомненно, это отзовется губительным образом на фронте и тыле революции. Поэтому штаб 1-й повстанческой Украинской дивизии войск имени батько Махно постановил: 1) настоятельно предложил т. Махно остаться при своих обязанностях и полномочиях, которые т. Махно пытался было сложить с себя; 2) все одиннадцать вооруженных полков пехоты, два полка конницы, две ударные группы, артиллерийская бригада и другие технические вспомогательные части преобразовать в самостоятельную повстанческую армию, поручив руководство этой армией т. Махно. Армия является в оперативном отношении подчиненной Южфронту, поскольку оперативные приказы последнего будут исходить из живых потребностей революционного фронта. Все оперативные распоряжения повстанческой армии будут неукоснительно сообщаться всему командованию...» Штаб напомнил, что подозрительное отношение к партизанам недопустимо, и выразил надежду, что все недоразумения «могут и должны быть устранены товарищеским путем» (1, т. 4, 307-308).

«Товарищеский путь» немедленно сыскался. От Скачко потребовали арестовать Махно и предать суду трибунала, поскольку решение, принятое повстанческим штабом, квалифицировалось как оставление фронта. При этом Реввоенсовет Южфронта настоятельно предписывал принять все возможные меры «для предупреждения возможности Махно избежать соответствующей кары» (1, т. 4, 308).

Конечно, с точки зрения формальной военной логики, декларация штаба махновской дивизии была недопустимым, мятежным вызовом. Но формальная логика не способна объяснить коллизии Гражданской войны. Декларация была ответом повстанцев на многомесячное унижение недоверием и подозрениями, мелочными придирками, закулисными играми. Сражавшиеся на фронте люди рассчитывали на человеческое к себе отношение. Они требовали уважения.

Пожалуй, из всех красных военачальников один только Антонов-Овсеенко сумел бы уладить этот конфликт. Но теперь соглашения с повстанцами уже никто не искал. Напротив, изыскивался повод для давления, подчинения их силой – именно поэтому любое колебание настроений в махновском штабе расценивалось как предательство. Дни самого Антонова-Овсеенко на посту командующего Украинским фронтом были сочтены. Для Троцкого он был слишком мягок, слишком интеллигентен, слишком много рассуждающ. Военные неудачи еще понизили его акции. Москва требовала от него немедленно, быстро и решительно закрыть прорыв во фронте – а закрывать было нечем: с трудом наскребли и бросили к Волновахе бригаду пехоты с артиллерией и бронепоезд «Ворошилов», но они были еще в пути. В конце концов Антонова-Овсеенко задержали так, что 31 мая он, не выдержав, отбил в Москву телеграмму: «Выполнить ваши приказания не могу. Делаю все, что могу, в понуканиях не нуждаюсь. Или доверие, или отставка» (1, т. 4, 311).

Конечно, и этот, по духу совершенно махновский, вопль был квалифицирован как дерзость. Язык взаимопонимания и доверия был утрачен: Украинскому фронту оставалось существовать две недели, 2-я армия была преобразована в 14-ю, Скачко смещен, вместо него поставлен командармом Ворошилов, который, дорвавшись до власти, на ином языке, кроме языка угроз и силы, с повстанцами разговаривать не хотел и не умел.

Близилась развязка. Троцкий, чье молчаливое присутствие, несомненно, повлияло на охвативший украинские верхи приступ ревностного классового служения – ибо в скользком мелкобуржуазном классе виделось ему гноище всех зол и болезней революции, – конечно, не представлял себе, какие силы сосредоточил к этому времени на фронте Деникин. Кажется поистине удивительным, что в обстановке надвигающейся катастрофы (а потеря всей Украины, безусловно, была поражением катастрофическим) народный комиссар по военным делам не придумал себе лучшего дела, чем изничтожение некоего командира дивизии, войска которого, оплеванные и оболганные с головы до ног, с яростью отчаяния продолжали драться с противником. Собственно говоря, это была уже не дивизия: после недельного сражения возле Большого Токмака от нее остались какие-то кровавые ошметья, в которых, однако, еще продолжали путаться копыта казацких скакунов Кавказской дивизии Шкуро.

2 июня в своей поездной газетке «В пути» Троцкий опубликовал статью «Махновщина», через два дня перепечатанную харьковскими «Известиями». Написанная признанным мастером партийной пропаганды статья, состоящая, по сути дела, из одних пустых фраз, не могла роковым образом не сказаться на отношениях между союзниками. Видя вопрос в плане чисто теоретическом, Лев Давыдович тем не менее уверенно пропечатывал: «„Армия“ Махно – это худший вид партизанщины... Продовольствие, обмундирование, боевые припасы захватываются где попало, расходуются как попало. Сражается эта „армия“ тоже по вдохновению. Никаких приказов она не выполняет. Отдельные группы наступают, когда могут, т. е. когда нет серьезного сопротивления. А при первом крепком толчке неприятеля бросаются врассыпную, отдавая многочисленному врагу станции, города и военное имущество...»

Троцкому еще предстояло убедиться в обратном – вот единственное, что утешает, когда читаешь эту разнузданную ложь. Но что должны были чувствовать повстанцы, если писали про них: «Поскреби махновца – найдешь григорьевца. А чаще всего и скоблить-то не нужно: оголтелый, лающий на коммунистов кулак или мелкий спекулянт откровенно торчит наружу...» Это в окопах – мелкие спекулянты? Что должен был чувствовать Махно, если о нем сообщалось в открытую: «Если он не восстал вместе с Григорьевым, то только потому, что побоялся, понимая, очевидно, всю безнадежность открытого мятежа»? В каком, наконец, смысле должно было воспринимать вопрос, сформулированный председателем Реввоенсовета республики в конце статьи: «Мыслимо ли допустить на территории Советской республики существование вооруженных банд, которые объединяются вокруг атаманов и батек, не признают воли рабочего класса, захватывают, что хотят, и воюют, как хотят?» Такая постановка вопроса подразумевала только один ответ – отрицательный. И Троцкий, словно бы набрав полную грудь воздуха, выкрикивал его: «Нет, с этим анархо-кулацким разворотом пора кончить, кончить твердо, раз навсегда, чтоб никому больше повадно не было!»

Пока настроение и политическая терминология этой наркомовской истерики овладевали умами и сердцами военных и партийных работников, Лев Давыдович, как человек душевно гибкий, решил еще раз испытать Махно. 3 июня он позвонил в штаб Революционно-повстанческой армии и потребовал, чтобы она заняла дополнительно стокилометровый участок фронта от Славянска до Гришино. Махно опус Троцкого прочесть не успел, а потому

не по злобе, а по-честному, по-военному сказал, что сделать этого не сможет. Если быть объективным, то придется признать, что говорил он сущую правду, ибо не может одна дивизия держать двести километров фронта.

Троцкий, быть может, не столько был взбешен этим отказом, сколько известием о том, что на 15 июня в Гуляй-Поле назначен очередной съезд махновских «вольных советов». Махно созывал его, чтобы объявить мобилизацию перед лицом деникинского нашествия – он чувствовал, что его бросили, хотя и не знал еще, что предали. Большевики же не сомневались, что на съезде повстанцы вновь поднимут земельный вопрос – а это было уже слишком...

С этого момента начинается череда событий, не всегда лежащих в один ряд, как поступки душевнобольного, которым руководят разные, часто противоречащие друг другу порывы. Так оно и было на самом деле, ибо, если поначалу большевиками владело лишь навязчивое желание расправиться с Махно, то потом к нему все в большей мере стал примешиваться страх, ужас от чудовищного военного поражения. Объявленные Н. И. Подвойским мобилизации не удалось, а те немногочисленные отряды, которые удалось собрать, вмиг были уничтожены белыми. По сути, кроме махновцев, белое наступление никто не сдерживал. Немногочисленные и только еще формирующиеся отряды 14-й армии были у них в тылу. Поэтому, когда выяснилось, что опасность отнюдь не в махновщине, что никакого мятежа нет, а есть провал фронта, за который придется отвечать лично и по всей строгости военного времени, Махно сначала захотели заставить сражаться, а потом просто стали валить на него, что ни попадя – чтоб виноватым вышел «чужой».

3 июня, поговорив с Махно и сделав для себя окончательные выводы, Троцкий направил Раковскому подробные рекомендации по борьбе с махновщиной: «Махновцы созывают съезд нескольких уездов Гуляй-Поля с целью борьбы против коммунистической советской власти. Ясно, что в данных условиях съезд является открытой подготовкой мятежа в полосе фронта. Помимо мер военного характера, относительно коих уже сделаны соответствующие распоряжения, необходимы были бы меры политического характера...» (12, 105). Когда-то советская власть замышлялась теоретиками большевизма как самое широкое самоуправление народа. Ленину в «Государстве и Революции» и в голову не приходит назвать ее «коммунистической». Но прошло чуть больше года революции и Гражданской войны – и в России было повсеместно проведено «обольшевичивание» Советов. Так партии проще было управлять народом. Троцкий экспортировал российский политический опыт на Украину – и, разумеется, ересь «вольных советов», где, может быть, большевиков вообще не было, терпеть не желал.

4 июня был упразднен Украинский фронт. Относительно Махно Троцкий издает знаменитый приказ № 1824, запрещающий махновский съезд, который «целиком направлен против Советской власти и против организации Южного фронта... Результатом съезда может быть только новый безобразный мятеж в духе григорьевского и открытие фронта белогвардейцам, перед которыми бригада Махно отступает в силу неспособности, преступности и предательства своих командиров». Делегатов и распространителей воззваний съезда вменялось арестовывать и судить трибуналом 14-й армии.

Новоиспеченный командарм—14 Ворошилов в поддержку Троцкого написал свой приказ № 1, которым тоже запрещал проведение каких-либо съездов в районе дислокации вверенных ему войск, а также под угрозой расстрела – переход бойцов своей армии в дивизию Махно.

Текст приказов в штаб Махно не поступал; о них узнали дня через три, по-видимому, из тех же «Известий», где они были опубликованы. Но за эти три дня для Махно все изменилось. Он еще ничего не знал, но он уже был преступником, объявленным вне закона. Он не мог знать о заседании Всеукраинского ЦИКа Советов и Совета рабоче-крестьянской обороны, которые вновь и вновь объявляли незаконным гуляйпольский съезд. Но в конце концов и приказы, и лихая передовая харьковских «Известий» с призывом употребить «каленное железо» (5 июня 1919 г.), и, наконец, последовавший 6 июня призыв председателя Совнаркома Украины Раковского обрушить на руководителей кулацкой контрреволюции меч красного террора должны были стать известными ему.

Того же 6 июня белоказаки прорвались в район Гуляй-Поля и под Святодуховкой начисто вырубил крестьянский полк, выступивший им навстречу во главе с путиловцем Борисом Веретельниковым, погибшим в этом бою. В тот же день на станции Цареконстантиновка Махно провел совещание командиров. Узнав о предательстве большевиков, часть – левые эсеры и анархисты – предложила открыто выступить против них. Старые повстанцы из крестьян воспротивились, зная, что несет им деникинское нашествие. Что делать, было не ясно. Вскоре после заседания штаба группа «набатовцев» во главе с Аршиновым покинула Повстанческую армию, пообещав, что всеми доступными средствами пропаганды будет распространять правду о махновском движении. Под такое дело батька дал им в дорогу денег. Вскоре от армии откололась и группа боевиков из контрразведки Черняка, которые предполагали, разделившись на три группы, совершить ряд террористических актов – взорвать харьковскую Чека, убить Колчака и Деникина. Потребовали 700 тысяч рублей. Махно дал. Часть харьковской группы всплыла потом в Москве, среди «анархистов подполья», «колчаковцы» затерялись где-то, «деникинцы» частью погибли – во всяком случае, бывшая среди них Маруся Никифорова была схвачена белой контрразведкой в Крыму и повешена в Симферополе.

7 июня отчаянной атакой Махно отбил у белых Гуляй-Поле. По-видимому, к этому дню масштабы белогвардейского наступления начали, наконец, обрисовываться перед красным командованием, и злорадство по поводу разгрома анархо-кулацких отрядов все чаще стало перемежаться у военных чиновников приступами страха. К Махно вдруг на прославленном бронепоезде «Руднев» выехали Ворошилов и Межлаук, отправив телеграмму, чтобы держался до последнего. В бронепоезде был создан совместный штаб махновцев и 14-й армии. Поскольку Ворошилов был генералом без армии (он, если помним, принял под свое командование 2-ю армию Скачко, которая, по собственному признанию командарма, только и состояла из бригады Махно), то план его, по-видимому, был прост: устранив Махно и наиболее ретивых его командиров, подчинить себе оставшиеся партизанские части. Вопрос: виделся ли Махно с Ворошиловым, а если виделся, почему тот не убил его? Может быть, момент был неподходящий. Во всяком случае, у Махно было много поводов для подозрений в том, что игра ведется нечисто. Вышел приказ Троцкого № 105 – «Перебежчикам к Махно – расстрел». Восьмого числа – новый приказ: «Конец махновщине!» – в котором махновцы объявлялись главными виновниками ни для кого уже не тайного разгрома красного фронта:

«Кто является виновником наших последних неудач на Южном фронте и в особенности в Донском бассейне?

Махновцы и махновщина».

Со злорадством: «Махновские части оказались совершенно небоеспособными, и конные белогвардейцы гнали их перед собой, как стадо баранов».

Лживо: центральная советская власть наведет порядок в гнилых местах и уже направила для этой цели в район махновщины «надежные честные воинские части». «Махновщина ликвидируется».

Махно знал, что ликвидируется: сначала «надежные части» разгромили сельхозкоммуну имени Розы Люксембург, избив крестьянина-председателя Кирьякова, а через несколько дней пришли деникинцы – и расстреляли его.

Он понимал, конечно, что так дело для него добром не кончится. Но он не знал, где выход. В эти дни он казался подавленным, совершенно лишенным воли к действию. Красный комбриг Е. Брашнев в очерке «Партизанщина» вспоминал, что застал Махно одного в пустом штабе в Гуляй-Поле: он не знал, где его войска, взирал на пришедших с равнодушным недоумением... Брашнев жалел, что не убил тогда Махно. Но в тот момент он казался слишком жалким.

Между тем тот, по-видимому, решал, что ему все-таки делать. В том, что после всего случившегося его непременно расстреляют, он, как человек неглупый, конечно, не сомневался. Он не хотел, чтоб его расстреливали, и стремился оставить за собою место революционера. Для этого у него был только один шанс: играть без правил. Не подчиняться судьбе. Вновь начинать партизанскую войну на свой страх и риск. 9 июня со станции Гайчур он отправляет Троцкому (копии Каменеву, Ленину, Зиновьеву) два длинных послания, прося освободить его от командования дивизией и одновременно пытаюсь воззвать к революционной совести своих предполагаемых адресатов. Его слова полны горечи:

«Я прекрасно понимаю отношение ко мне центральной власти. Я абсолютно уверен, что эта власть считает повстанческое движение несовместимым с ее государственной деятельностью. Она полагает также, что это движение связано лично со мной...

Это враждебное отношение – которое теперь становится агрессивным – центральной власти к повстанческому движению неизбежно ведет к созданию внутреннего фронта, по обе стороны которого будут трудящиеся массы, верящие в революцию.

Я считаю это величайшим, непростительным преступлением в отношении трудящихся и считаю своим долгом сделать все, чтобы избежать этого.

Самое простое средство для центральных властей избежать этого преступления заключается, на мой взгляд, в следующем: нужно, чтобы я покинул свой пост...» (95, 573).

В другом месте он поясняет:

«...Несмотря на то, что я с повстанцами вел борьбу исключительно с белогвардейскими бандами Деникина, проповедуя народу лишь любовь к свободе, к самостоятельности – вся официальная советская пресса... распространяла обо мне ложные сведения, недостойные революционера... Троцкий в статье под названием „Махновщина“... доказывает, что махновщина есть, в сущности, фронт против советской власти, и ни слова не говорит о фактическом белогвардейском фронте, растянувшемся более чем на сто верст, на котором, в течение шести с лишним месяцев, повстанчество несло и несет неисчислимые жертвы...

Я считаю неотъемлемым, революцией завоеванным правом рабочих и крестьян самим устраивать съезды для обсуждения как общих, так и частных дел своих. Поэтому запрещение таких съездов центральной властью есть прямое наглое нарушение прав трудящихся» (2, 126).

Выговорившись, Махно опять просит освободить себя от обязанностей командира дивизии и выражает надежду, что «после этого центральная власть перестанет подозревать меня, а также все революционное повстанчество в противосоветском заговоре и – отнесется к повстанчеству на Украине как к живому, активному действию массовой социальной революции, а не как к враждебному стану, с которым до сих пор вступали в двусмысленные подозрительные отношения, торгуясь из-за каждого патрона...» (2, 127).

Получив, благодаря телеграмме, координаты Махно, Ворошилов приказал двинуть свой бронепоезд на станцию Гайчур. Однако заманить Махно в бронепоезд Ворошилову так и не удалось. Он выжидал. В результате выжидания бронепоезд был окружен белыми. Как писал Махно в книжке «Махновщина и ее вчерашние союзники – большевики», ему пришлось выручать своих «палачей» из западни, для этого ударив в тыл белым небольшим конным отрядом при четырех пулеметах. Ворошилов через ординарца Махно рассыпался в изъявлениях благодарности и передал батьке послание, в котором опять, как ни в чем не бывало, просил навестить-таки его в бронепоезде и обсудить план совместных действий. Махно ответил, что ему известен приказ Троцкого и та роль, которая отведена в реализации этого приказа Ворошилову. Поэтому от визита в бронепоезд он отказался, но сообщил о своих планах: с рейдовой группой проникнуть в глубокий тыл Деникина и опустошить его. Письмо было подписано: «Ваш старый друг в борьбе за торжество революции».

Махно, конечно, хитрил, смиренной речью послушника и скромнца, добровольно устраняющегося от политики, усыпляя бдительность тех, кто послан был уничтожить его. Внезапно с отрядом всадников в несколько сот человек – в основном старых повстанцев 1918 года – он появился в Александровске и официально сдал дела дивизии. Председатель александровского исполкома Н. Гоппе попросил было его прикрыть город, но Махно сказал, что на это у него нет времени. Схватить его никто не решился, да и не пытался.

Отряд ушел за Днепр, на правый берег, в тыл – но к красным. Через несколько дней комдив Дыбенко получил неожиданный и дикий приказ от своего бывшего подчиненного: оставить Никополь. Это был вызов. Махно ничего не забыл и не простил большевикам предательства. 15 июня, выступая перед повстанцами, ушедшими вместе с ним, Махно договорил то, чего не сказал ни Троцкому, ни Ленину: «...Вопреки желанию Троцкого – толкнуть нас в объятия Деникина – мы выдержали экзамен блестяще. Окруженные трибуналами, которые нас

расстреливают, не имея патронов и снарядов, мы... продвигались вперед. Однако так продолжаться больше не должно... ибо немисливо умирать на фронте, когда в тылу расстреливают. Мы вышли из подполья и посмей трибунал арестовать кого из нас – мы закатим такую истерику, что задрожит и Киев. Довольно сентиментальности: надо действовать, да так, чтобы красный фронт разыграть в пользу повстанчества...» (12, 112). Мало кто понял глубинный смысл речи, которую он говорил. Но он как-то почуял, что его звездный час еще впереди, что он уведет Красную армию под свои знамена и «разыграет» красный фронт...

Узнав, что Махно улизнул, Ворошилов не сдержал злобы: 15 июня в бронепоезде «Руднев» были схвачены члены штаба Махно Бурбыга и Михалев-Павленко и 17 июня, как изменники, казнены в Харькове. Несколько дней ревтрибунал 14-й армии работал на станции Синельниково: первые жертвы красного террора не превышали нескольких десятков человек. Правда, среди них оказался ни в чем не повинный политкомиссар махновской бригады Озеров, присланный в штаб Антоновым-Овсеенко. 25 июня ревтрибунал судил его и приговорил к расстрелу: за все свои стратегические просчеты революционные вожди сполна рассчитались со своими подчиненными...

Венчала этот список позорных дел еще одна газетная кампания, развязанная в Москве в ведомственной газете Троцкого – «Известиях народного комиссариата по военным делам», с целью соответственного поднесения столичному общественному мнению боевых неудач Красной армии. Здесь, в Москве, далекой от украинских проблем, Махно было можно обвинять во всем, в чем угодно. 25 июня некий Иринарх Зюзя изобличал бывшего комдива Махно не только в предательстве, но и в том, что он своими прежними успехами способствовал концентрации сил противника.

В том же духе и в той же стилистике было выдержано еще несколько публикаций: «Деникин был на краю гибели, от которой его могли отделять всего несколько дней, но он хорошо угадал кризис партизанщины и накипь кипения кулаков и дезертиров...» (27 июня 1919 г.).

После этого стоит ли говорить, что Махно обвинялся в прямом сговоре со Шкуро и в отказе сражаться?

7 июля прорезался, наконец, спокойный, уверенный голос вдохновителя пропагандистской кампании, которому нужно было спихнуть на партизан украинскую катастрофу, масштабы которой с каждым днем внушали в столице все больший ужас. Нарком по военным делам товарищ Троцкий в тоне, приличествующем не газетной шавке, но государственному деятелю, взвешенно заключал: «Всесильные на грабеж, махновцы оказались бессильными против регулярных частей...» В этой фразе, если вдуматься, задана тема для всех последующих фальсификаций, всех исторических неправд о Махно.

Товарищ Троцкий не хотел брать на себя ответственность за разгром. Товарищ Троцкий оставался чист.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 2 апреля 2025 11:16:21

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 2 апреля 2025 11:16:37